

циальных группировок. Первоначально светских имперских князей было всего 20 (в т. ч. 12 герцогов, 3 пфальцграфа, 3 маркграфа, 1 ландграф и 1 граф). Количество церковных имперских князей было примерно в два раза больше. Названные элементы консолидировались в сплоченную социальную корпорацию: заключая браки только между собою, они стремились не допустить перехода их земельной собственности в руки других семейств.

Вторую ступень феодальной иерархии занимало сословие «свободных господ». В его состав вошла прежняя служилая знать в лице графов, т. н. *фогтов* (светских должностных лиц, осуществлявших судебную-административную власть в церковных учреждениях) и других крупных аллодистов.

Все остальные феодалы были отнесены к сословию *рыцарей*. Эта самая массовая группировка, состоявшая в основном из владельцев небольших и небогатых вотчин, первоначально могла пополняться и за счет верхушки свободного крестьянства. Военная реформа короля Генриха I Птицелова (919—936 гг.), вызванная необходимостью противостоять натиску кочевников-мадьяр (венгров), открывала возможность проникать в ряды рыцарского сословия любым категориям свободных людей, способным нести конную военную службу. Однако в конце XII в. (согласно указу императора Фридриха I Барбароссы) было запрещено вступать в рыцари представителям крестьянского сословия и лицам духовного звания; тем самым было завершено формирование замкнутого рыцарского сословия, монополизировавшего в своих руках военную функцию. Звание рыцаря стало наследственным, даже если его обладатель не располагал земельным наделом. Идеология рыцарства превозносила военную профессию в качестве единственного дела, достойного благородных людей; труд земледельца, ремесленника или торговца третировался как презренное занятие.

Внутри господствующего класса, представленного тремя названными сословиями, шла постоянная борьба за распределение и перераспределение феодальной собственности и неразрывно связанной с ней политической власти. Кроме того, эти сословия занимали отнюдь не одинаковую позицию по отношению к королю. Имперские князья объективно не были заинтересованы в сильной центральной власти: они являлись носителями сепаратистских тенденций, инициаторами ограни-